

Конституционный протекционизм и адаптивный конституционализм в условиях цифровизации: диалектика взаимодействия, противоречия и перспективы развития

Аннотация. Цифровая трансформация ставит под вопрос традиционные основы национального конституционализма, порождая диалектическое напряжение между адаптивностью и протекционизмом. Статья анализирует их взаимодействие как двух комплементарных стратегий обеспечения устойчивости правовой системы: первая работает через гибкую интерпретацию норм и институциональную адаптацию к цифровым вызовам, вторая — через защиту ядра конституционной идентичности от нормативной диффузии. На основе сравнительного анализа практики Германии, Франции, Италии, США, России и Китая выявляется ключевой механизм синтеза этих подходов — конституционная фильтрация, то есть селективная, рефлексивная инкорпорация внешних норм (включая нормы «мягкого» права и решения наднациональных судов) через призму национальных конституционных ценностей, процедурной легитимности и принципа пропорциональности. Эффективность современных правовых систем определяется способностью к критическому отбору: немецкий *Identitätskontrolle*, французский контроль за законом *Avia*, российская локализация данных и американский прагматизм в регулировании платформ реализуют этот механизм по-разному, но с единым результатом — сохранением суверенитета без изоляции. Выделены риски правового релятивизма при использовании термина «цифровой суверенитет» без судебного контроля и пропорциональности. Предложена модель рефлексивного правового иммунитета, где конституционная фильтрация становится не просто техникой, а формой устойчивого развития конституционного права в эпоху алгоритмической власти. Обоснована необходимость междисциплинарного подхода к цифровому конституционализму, алгоритмической справедливости и платформенному суверенитету.

Ключевые слова: конституционализм; конституционный протекционизм; адаптивный конституционализм; конституционная фильтрация; цифровая трансформация; правовой суверенитет; конституционная идентичность; сравнительно-правовой анализ; цифровой конституционализм; конституционное право

Для цитирования: Поярков С. Ю. Конституционный протекционизм и адаптивный конституционализм в условиях цифровизации: диалектика взаимодействия, противоречия и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. — 2026. — Т. 21. — № 7. — С. 144–160. — DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.144-160

© Поярков С. Ю., 2026

* Поярков Сергей Юрьевич, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений
раб. пос. Менделеево, промзона «ВНИИФТРИ», г. Солнечногорск, Московская обл., Российская Федерация, 141570
psu70@bk.ru

Constitutional Protectionism and Adaptive Constitutionalism in the Age of Digitalization: Dialectics of Interaction, Contradictions, and Development Prospects

Sergey Yu. Poyarkov, Cand. Sci. (Pedagogics), Scientific Secretary, All-Russian Research Institute of Physical, Technical and Radiotechnical Measurements, Solnechnogorsk, Moscow Region, Russian Federation
psu70@bk.ru

Abstract. Digital transformation challenges the traditional foundations of national constitutionalism, creating a dialectical tension between adaptability and protectionism. The paper analyzes their interaction as two complementary strategies for ensuring the sustainability of the legal system: the first operates through a flexible interpretation of norms and institutional adaptation to digital challenges, the second — through the protection of the core of constitutional identity from normative diffusion. Through a comparative analysis of the legal practices of Germany, France, Italy, the United States, Russia, and China, the author identifies constitutional filtration as the key mechanism for synthesizing constitutional protectionism and adaptive constitutionalism. This mechanism consists of the selective and reflexive incorporation of external norms, including soft law norms and decisions of supranational courts, filtered through national constitutional values, procedural legitimacy, and the principle of proportionality. The effectiveness of modern legal systems hinges on their ability to engage in critical selection. German Identitätskontrolle (identity control), French constitutional review of the Avia law, Russian data localization requirements, and American regulatory pragmatism toward digital platforms each implement this mechanism through distinct approaches, yet they converge on a single outcome — the preservation of sovereignty without resorting to isolationism. The risks of legal relativism when using the terms «digital sovereignty» without judicial review and proportionality are highlighted. A model of reflexive legal immunity is proposed, where constitutional filtering becomes not just a technique, but a form of sustainable development of constitutional law in the era of algorithmic power. The results of the study substantiate the need for an interdisciplinary approach to digital constitutionalism, algorithmic justice, and platform sovereignty.

Keywords: constitutionalism; constitutional protectionism; adaptive constitutionalism; constitutional filtering; digital transformation; legal sovereignty; constitutional identity; comparative legal analysis; digital constitutionalism; constitutional law

Cite as: Poyarkov SYu. Constitutional Protectionism and Adaptive Constitutionalism in the Age of Digitalization: Dialectics of Interaction, Contradictions, and Development Prospects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2026;21(7):144-160. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2026.188.7.144-160

Введение

Цифровая трансформация XXI в. ставит под вопрос саму основу конституционализма: способность национальных правовых систем сохранять идентичность, адаптируясь к глобальным технологическим вызовам. Перед лицом роста влияния транснациональных платформ, алгоритмического управления и децентрализованных цифровых инфраструктур государства сталкиваются с фундаментальной дилеммой — как совместить открытость к инновациям с защитой конституционного суверенитета? В условиях перехода к цифровой экономике, платфор-

менному управлению и усилению зависимости от внешних цифровых экосистем остро встает вопрос о границах допустимой адаптации и механизмах сохранения конституционной самобытности.

В этом контексте особую значимость приобретают две стратегии правового реагирования — адаптивный конституционализм и конституционный протекционизм. Первая предполагает гибкость, динамичную интерпретацию норм и готовность к институциональным инновациям; вторая — стремление защитить ядро конституционного строя, его ценностные и институциональные основания. На первый

взгляд, эти подходы противоположны, однако современная практика показывает, что они всё чаще реализуются не в оппозиции, а в синтезе, формируя новую модель устойчивого конституционализма.

Объектом исследования выступает процесс трансформации современного конституционализма как нормативно-ценностной модели, определяющей отношения между властью и личностью в цифровую эпоху, предметом — правовые механизмы адаптации и защиты, разрабатываемые национальными системами в ответ на вызовы цифровой трансформации. Эти механизмы проявляются как на уровне конституционных поправок (включение цифровых прав, положений об информационной автономии), так и в судебной практике, где высшие суды становятся арбитрами между глобальными трендами и национальной правовой автономией.

Цель работы — выявить характер взаимодействия адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма, раскрыть их диалектическую взаимосвязь и предложить концептуальную модель, объединяющую эти стратегии. Для достижения цели применяется комплекс методов: сравнительно-правовой анализ, диалектический подход, институциональный и междисциплинарный анализ. Исследование направлено на разработку целостной концепции правовой адаптации, в которой суверенитет не отрицается, а переосмысливается в условиях цифровой реальности.

Теоретические основания исследования: трансформация парадигмы конституционализма

Современный конституционализм переживает фундаментальную трансформацию, вызванную

глобализацией, технологическим прогрессом и усилением многоуровневого правового взаимодействия. Этот процесс затрагивает не только нормативные структуры, но и саму теоретическую основу конституционного права, свидетельствуя о переходе от статичной формально-догматической модели к более динамичной и контекстуально чувствительной архитектуре. Если классический конституционализм XVIII–XIX вв., сформированный в русле буржуазных революций, опирался на идеи жесткости конституционного текста, верховенства права, разделения властей и институциональной устойчивости — как это обосновывали Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескьё и А. Гамильтон, — то современная реальность требует переосмысления этих принципов в свете высокой изменчивости социальных, политических и технологических условий.

Уже во второй половине XX в. в англо-американской и континентальной правовой мысли намечился сдвиг от представления о конституции как о застывшем документе к ее пониманию как живого, развивающегося правового института. К. Лёвенштейн, проводя различие между «нормативными» и «номинальными» конституциями, подчеркнул необходимость анализа не только формальных положений, но и их реального воплощения в практике государственного управления¹. Этот подход заложил основы для признания того, что легитимность конституции зависит не столько от ее писаного текста, сколько от способности обеспечивать устойчивое функционирование системы власти и защиту прав личности в меняющихся условиях.

Концептуальные предпосылки адаптивного конституционализма были последовательно разработаны в трудах таких исследователей, как М. Тушнет², Р. Диксон³, Р. Хиршль⁴ и др. Особую

¹ Loewenstein K. Verfassungsrecht und Verfassungsrealität: Beiträge zur Ontologie der Verfassungen // Archiv des öffentlichen Rechts (AoR). 1951/1952. Bd. 77. H. 4. S. 387–435.

² Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. Princeton : Princeton University Press, 2008.

³ Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 419–445.

⁴ Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. Cambridge : Harvard University Press, 2004.

роль сыграл анализ М. Тушнета, который противопоставил традиционной «жесткой» модели конституционализма концепцию «мягкой формы» (weak-form constitutionalism), где судебная власть, хотя и не обладает абсолютным приоритетом в толковании конституции, становится центральным элементом диалога между ветвями власти, обществом и другими правовыми субъектами. Такое понимание адаптивности предполагает наличие в правовой системе механизмов, позволяющих не только встраивать новые явления в существующую нормативную матрицу, но и пересматривать базовые концепты, например соотношение публичного и частного, пределы действия государства, формы проявления суверенитета. Именно в этом контексте адаптивный конституционализм становится выражением новой нормативной логики: он не разрушает традиционный правопорядок, а переосмысляет его внутреннюю архитектуру в ответ на изменившиеся условия⁵, прежде всего — на цифровизацию и транснационализацию правовых потоков.

Однако адаптивность не может существовать автономно. Ее реализация требует наличия нормативной ключевой точки — системы координат, определяющей допустимые пределы изменений. Именно здесь актуализируется стратегия конституционного протекционизма, которая в современной доктрине всё менее ассоциируется с изоляционизмом и юридическим национализмом, а интерпретируется как выражение

права государства на правовую идентичность. Протекционизм в этом смысле выступает как механизм защиты «конституционного ядра» — совокупности фундаментальных ценностей, институциональных особенностей и культурных основ, на которых зиждется национальный правовой порядок.

Ведущее место в развитии этой концепции принадлежит А. фон Богданди, который указывает, что в многоуровневом правовом пространстве национальные органы должны сохранять право на защиту суверенных элементов своей конституционной структуры, даже в рамках международной интеграции⁶. Аналогичную позицию занимает М. Розенфельд, рассматривающий конституционную идентичность как необходимое условие устойчивости правовой системы на фоне глобальной цифровизации, когда международные стандарты зачастую внедряются без достаточной демократической легитимации⁷.

Российская правовая традиция также демонстрирует стремление к институционализации протекционистских механизмов в рамках адаптивного подхода. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П⁸, подтвердившее приоритет Конституции РФ над решениями международных судов в случае конфликта с ее основами, стало важным шагом в закреплении принципа правового суверенитета. Это решение показывает, что защита конституционного ядра не исключает открытости

⁵ Поярков С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. 2025. № 3. С. 67–85.

⁶ Bogdandy A. von, Schill S. Overcoming absolute primacy: Respect for national identity under the Lisbon Treaty // Common Market Law Review. 2011. Vol. 48. No. 5. P. 1417–1454.

⁷ Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject. Abingdon : Routledge, 2010.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона “О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней”, пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона “О международных договорах Российской Федерации”, частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // СЗ РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

внешним влияниям, но требует их селективного восприятия и соответствия внутренним ценностным установкам⁹.

Таким образом, адаптивный конституционализм и конституционный протекционизм не являются альтернативными моделями, а представляют собой взаимодополняющие стратегии, ориентированные на обеспечение устойчивости правовой системы в условиях цифровой трансформации. Современные вызовы — вторжение алгоритмов и платформ в сферу публичной власти, децентрализация источников нормативности, усиление роли транснациональных корпораций — порождают неопределенность в вопросах легитимности и юрисдикции. В этих обстоятельствах адаптивность становится необходимым инструментом интеграции новых реалий в структуру правопорядка, а протекционизм — формой защиты его устойчивости. Методологически это выражается в отказе от бинарного мышления, от противопоставления «гибкости» и «жесткости», «инновации» и «традиции» в пользу системного и диалектического подхода. Такой подход предлагает видеть в цифровой трансформации не разрушение, а возможность переопределения функций и механизмов современного конституционализма. Следовательно, трансформация парадигмы конституционализма требует не отказа от прежнего содержания, а его реконструкции на новых основаниях, что и делает данное исследование значимым в контексте и теории, и практики конституционного права.

Адаптивный конституционализм: сущность, формы и правовые механизмы в цифровую эпоху

Цифровая трансформация, затрагивающая все аспекты общественной жизни, требует от национальных правовых систем не только функционального, но и концептуального переосмысления своей роли. В этой ситуации адаптивный

конституционализм выступает как ключевая модель реагирования — он представляет собой способность конституционного строя сохранять легитимность и устойчивость за счет гибкого восприятия новых технологических, социальных и институциональных вызовов. Основой этого подхода становится отказ от представления о конституции как о статичном и изолированном корпусе норм. Вместо этого утверждается идея «живой» конституции (*living constitution*), которая развивается не только через формальные поправки, но и посредством судебной интерпретации, доктринальной эволюции и функционального переосмысления базовых правовых понятий.

Гибкость в данном контексте не свидетельствует об ослаблении правовой системы, а напротив, раскрывается как признак ее жизнеспособности. Адаптация позволяет конституционному порядку сохранять релевантность, обеспечивая защиту прав личности в условиях, которые не были предусмотрены на момент создания первоначальной правовой конструкции. Механизмы реализации адаптивного подхода разнообразны: они включают как экстраординарные меры, такие как конституционные реформы или временное установление специальных режимов регулирования, так и более латентные формы правового развития, среди которых пересмотр содержания фундаментальных прав, внедрение новых принципов и модификация процедур правоприменения.

Особое значение в этом процессе приобретают конституционные суды, выступающие в качестве институтов юридической инновации. Их решения становятся инструментами конституционализации технологических реалий, ранее не охваченных традиционными правовыми категориями. Ярким примером служит позиция Федерального конституционного суда Германии по делу о праве на неприкосновенность информационных технологий (2008). Суд признал право на защиту ИТ-систем как про-

⁹ Белослудцев О. С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 3 (142). С. 39–62 ; Виноградова Е. В. Закрепление в конституции в качестве конституционной ценности российской конституционной идентичности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. 2021. № 3 (29). С. 26–29.

изводное от общего права на личную свободу, тем самым закрепив новое основополагающее право, соответствующее условиям цифровой эпохи¹⁰. Это решение продемонстрировало способность конституционного правосудия не просто реагировать на изменения, но и проактивно формировать правовую архитектуру будущего.

Сходные процессы наблюдаются и в практике Европейского Суда по правам человека. В деле *Bărbulescu v. Romania* (2017)¹¹ ЕСПЧ внес существенные уточнения в толкование ст. 8 Европейской конвенции о правах человека¹² и тем самым определил границы допустимого контроля работодателя за перепиской сотрудника в цифровой среде. Такие прецеденты подтверждают, что адаптация происходит не за счет радикального пересмотра правовых конструкций, а через их динамическое наполнение новым смыслом, адекватным современным реалиям. Возникает эффект нормативной трансплантации: национальные правовые доктрины начинают влиять на международную практику, способствуя формированию глобальных стандартов в сфере цифровых прав.

Однако адаптивность несет в себе и риски. Чрезмерная гибкость может привести к нормативной эклектике — состоянию, при котором правовая система теряет внутреннюю целостность, подменяя системный подход ситуативными решениями. Особенно остро эта проблема проявляется в сфере регулирования искусственного интеллекта (ИИ), где отсутствие устоявшихся правовых категорий создает предпосылки для импровизированных и конъюнктурных нормотворческих решений. Попытки признать ИИ потенциальным субъектом прав или наделить его повышенной правовой защи-

той противоречат антропоцентрической основе конституционного строя и ставят под вопрос саму природу ответственности и легитимности¹³.

При этом без должной юридической рефлексии адаптивный конституционализм может способствовать:

- эрозии разделения властей, когда исполнительная власть получает расширенные полномочия под предлогом оперативного реагирования на технологические угрозы;

- подрыву правовой определенности, если правовые формулировки становятся слишком широкими или неясными (например, в законах о кибербезопасности);

- фрагментарности законодательства, когда цифровые вопросы регулируются разрозненными актами без единой концепции;

- угрозе антропоцентризму, если технологии начинают рассматриваться как автономные правовые субъекты.

Кроме того, опасность чрезмерной адаптации заключается в возможной деформации основополагающих принципов — таких как разделение властей, правовая определенность и недопустимость дискриминации — через их переопределение под влиянием технологических императивов. Примером может служить расширение оснований для ограничения прав и свобод граждан под предлогом обеспечения кибербезопасности, что в отсутствие эффективных механизмов контроля может привести к эрозии конституционных гарантий. Критики из числа отечественных исследователей указывают, что переход к цифровому управлению без должного нормативного сопровождения нередко сопровождается снижением уровня правовой защищенности личности и формиро-

¹⁰ КС ФРГ поддержал тайну переписки // Право.ru. 2008. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/4292/> (дата обращения: 16.09.2025).

¹¹ Постановление Европейского Суда по правам человека от 05.09.2017 № 61496/08 *Bărbulescu v. Romania* // URL: <https://hudoc.echr.coe.int/fre?i=001-177082> (дата обращения: 16.09.2025).

¹² Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 16.09.2025).

¹³ Регулирование ИИ: главное из лекции главы Конституционного Суда РФ // Право.ru. 2024. URL: <https://pravo.ru/lf/story/253817/> (дата обращения: 16.09.2025).

ванием новых форм зависимости от цифровой инфраструктуры, не урегулированной на конституционном уровне¹⁴.

Таким образом, адаптивный конституционализм в цифровую эпоху представляет собой многомерный процесс, сочетающий институциональные инновации, правовую трансформацию и доктринальную рефлексию. Его успешная реализация возможна лишь при достижении баланса между открытостью к изменениям и сохранением внутренней целостности правовой системы. Только такой сбалансированный подход позволяет избежать как догматического консерватизма, так и хаотичной пластичности, обеспечивая устойчивое развитие конституционного строя в условиях технологической турбулентности.

Конституционный протекционизм как стратегия правового самоопределения в условиях глобального давления

Конституционный протекционизм более не может рассматриваться как временная реакция на кризисы легитимности или маргинальная тенденция в правовом развитии. Он трансформируется в устойчивую доктрину, направленную на защиту суверенной нормативной идентичности государства перед лицом растущего трансграничного давления — как правового, так и технологического. В центре этой стратегии — стремление сохранить внутреннюю согласованность и ценностную целостность национального конституционного порядка в условиях усиления влияния наднациональных институтов, транснациональных цифровых платформ и алгоритмических систем управления. Особое значение протекционистская парадигма приобретает в

эпоху цифровой трансформации, когда нормативная конкуренция между юрисдикциями выходит за рамки традиционного права и затрагивает архитектуру информационного пространства, формируя новое поле конституционного взаимодействия.

Наиболее последовательное институциональное выражение протекционизм получил в практике Федерального конституционного суда Германии. В двух резонансных решениях — по делу о ратификации Лиссабонского договора (Lisbon Urteil, 2009) и по делу о программе выкупа государственных облигаций ЕЦБ (PSPP, 2020) — Суд установил пределы допустимого делегирования суверенных полномочий наднациональному уровню. Через концепцию *ultra vires control* (контроль превышения полномочий) немецкий Конституционный суд провозгласил право национального суда проверять соответствие решений наднациональных органов конституционному мандату¹⁵. Данные прецеденты свидетельствуют не столько о судебном активизме, сколько о формировании устойчивой правовой стратегии защиты «ядра конституционной идентичности» (*Identitätskontrolle*), включающего демократический принцип, федерализм, народный суверенитет и основные права. Эти решения закладывают фундамент для достижения баланса между интеграцией и автономией, подчеркивая, что участие в международных объединениях не аннулирует обязанности государства перед своим народом.

Аналогичная логика проявляется и в других европейских юрисдикциях. Польский Конституционный трибунал в решении от 07.10.2021 по делу К 3/21 прямо утвердил приоритет Конституции Польши над актами Европейского Союза, выходящими за рамки делегированных полно-

¹⁴ Зорькин В. В. Задача государства — признавать и защищать цифровые права граждан // Российская газета. 2018. 29 мая. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения: 16.09.2025) ; Мелешко Е. Д., Слобожанин А. В. Морально-правовые проблемы цифровизации российского общества: аналитический обзор научно-исследовательских центров // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. 2023. № 4 (48). С. 52–58.

¹⁵ *Anagnostaras G. Activating Ultra Vires Review: The German Federal Constitutional Court Decides Weiss* // European Papers, European Journal of Law and Integration. 2021. Vol. 6. No. 1. P. 801–829.

мочий¹⁶. Несмотря на обвинения в «правовом сепаратизме», данная позиция иллюстрирует общую тенденцию: национальные конституционные органы всё чаще берут на себя роль арбитров, определяющих границы допустимой интеграции и противостоящих потенциальному поглощению суверенитета, в том числе в сфере цифрового регулирования.

Особую значимость современный протекционизм приобретает в цифровой сфере, где основные векторы трансграничного воздействия перемещаются в пространство данных, алгоритмов и платформ. В этих условиях протекционизм всё чаще реализуется через механизмы правового контроля за трансграничными потоками информации. Ряд государств, включая Россию, Китай и Индию, разрабатывают нормативные режимы, ориентированные на защиту «суверенитета данных». Такие режимы предполагают ограничение экспорта персональной информации, обязательную локализацию серверов и подчинение цифровых посредников национальной юрисдикции. В частности, Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁷ можно рассматривать как пример такой правовой артикуляции. Требование обработки персональных данных граждан РФ на территории страны отражает не просто техническую меру, а конституционно значимый принцип — проекцию правового суверенитета на виртуальное пространство. Цифровой протекционизм в этом смысле становится продолжением идеи конституционной самобытности, позволяя государству сохранять контроль над ключевыми элементами своей правовой и инфраструктурной автономии.

Вместе с тем возникает принципиальный вопрос: где грань между законной защитой на-

ционального правопорядка и его изоляцией, ведущей к правовому релятивизму? С одной стороны, утверждение суверенитета необходимо для противодействия нормативной диффузии, при которой универсальные конституционные понятия (например, свобода слова) переосмысливаются частными платформами в интересах их бизнес-моделей. С другой — чрезмерное замыкание может привести к отрыву от глобальных инноваций и снижению качества правовой защиты.

Протекционизм сталкивается с внутренней дилеммой: как сохранить идентичность, не теряя связи с мировым правовым сообществом? Как обеспечить автономию, не превращая ссылки на «конституционную самобытность» в инструмент произвольного отклонения международных стандартов? Решение этой дилеммы требует наличия четких механизмов различения: какие формы внешнего регулирования допустимы, а какие противоречат фундаментальным началам конституционного строя. Здесь ключевую роль играют конституционные суды, выступающие в качестве арбитров между глобальными импульсами и национальными границами допустимого. Их задача — не блокировать интернационализацию права *per se*, а обеспечивать ее легитимность через призму демократической ответственности и социальной интеграции¹⁸.

Так, российская правовая система развивает собственные формы протекционизма. Ярким примером служит статья 79 Конституции РФ¹⁹, запрещающая участие России в международных объединениях и передаче им полномочий, если это влечет ограничение прав человека или противоречит основам конституционного строя. Это положение нормативно закрепляет предел

¹⁶ Orzeczenie K 3/21 z 7 października 2021 r. // Trybunał Konstytucyjny. URL: <https://trybunal.gov.pl/en/hearings/judgments/art/11662-ocena-zgodnosci-z-konstytucja-rp-wybranych-przepisow-traktatu-o-unii-europejskiej> (дата обращения: 16.09.2025).

¹⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

¹⁸ Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. М. : Директ-Медиа, 2023. С. 117–139.

¹⁹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата публикации: 06.10.2022).

суверенных уступок и отражает попытку институционализировать практику защиты конституционного ядра, ранее формируемую как судебной, так и законодательной властью. Таким образом, конституционный протекционизм в цифровую эпоху выходит за рамки юрисдикционной конкуренции и превращается в форму стратегического правового самоопределения. Он требует от правовых систем способности к рефлексии, институциональной зрелости, умения различать конструктивное сотрудничество и навязанное доминирование. Только такая, осознанная стратегия позволяет сочетать открытость к внешним влияниям с сохранением автономии и устойчивости национальной конституционного порядка.

**Диалектика взаимодействия:
адаптивность и протекционизм
как взаимодополняющие стратегии**

Конституционное развитие в условиях цифровой трансформации предъявляет к правовым системам двойной запрос: с одной стороны, нужна способность к гибкой адаптации перед лицом технологических, социальных и транснациональных вызовов; с другой — необходимо сохранение внутренней целостности, нормативной устойчивости и демократической легитимности. В этой напряженной логике проявляется не противостояние, а диалектическое единство двух стратегий — адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма. Их кажущееся противопоставление — открытость против охранительности, инновация против традиции, гибкость против стабильности — маскирует более глубокую взаимозависимость: именно критическая рефлексия протекционизма делает возможной осмысленную адаптацию, а адаптивная чувствительность позволяет избежать догматического замыкания.

Современные правовые системы всё чаще сталкиваются с нормами, формируемыми за пределами их традиционного публично-правового пространства — будь то решения наднациональных органов, стандарты цифровых платформ или алгоритмические протоколы. В связи с этим возникает потребность в механизме, обеспечивающем селективную интеграцию внешних правовых импульсов. Такой механизм можно определить как конституционную фильтрацию — процесс правового отбора, переосмысления и институционального перевода чуждых норм в координаты национальной правовой системы.

Фильтрация не предполагает отказа от глобального регулирования, но требует его просеивания с точки зрения конституционных ценностей, процедурной легитимности и принципа пропорциональности. Она представляет собой не механическую барьерную функцию, а рефлексивную практику, в которой национальная правовая система активно интерпретирует, адаптирует и, при необходимости, отвергает внешние импульсы, сохраняя при этом свою нормативную целостность.

Протекционизм в этой модели перестает быть синонимом изоляционизма. Он выступает как стратегия защиты ядра конституционного строя — совокупности фундаментальных ценностей, институтов и процедур, составляющих основу правовой идентичности. М. Розенфельд, анализируя угрозы глобальному конституционализму, указывает на необходимость наличия у каждой правовой системы «ядерной основы» (*nuclear core*), без которой многообразие превращается в нормативный хаос²⁰. Аналогично А. фон Богданди рассматривает протекционизм как способ сохранения нормативной суверенности на фоне диффузии источников легитимности, особенно актуальной в цифровую эпоху, когда алгоритмы и платформы подрывают традиционные формы государственного контроля²¹.

²⁰ *Rosenfeld M.* The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. Oxford : Oxford University Press, 2010.

²¹ *Bogdandy A. von, Wolfrum R., Bernstorff J. von, Dann P., Goldmann M.* The Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law. Heidelberg : Springer Science & Business Media, 2010.

Таким образом, протекционизм становится не препятствием, а условием эффективной адаптации: он обеспечивает критическую селективность, позволяющую отличить конструктивную новацию от подмены конституционных принципов. Однако адаптация сама по себе не является универсальным благом. Без развитого «институционального интеллекта» — способности к юридической рефлексии, системному анализу и нормотворческой чуткости — она может привести не к обновлению, а к нормативной эклектике и размыванию правовых ориентиров. Примером служат поправки и законопроекты, внедряющие широкие формулировки «информационная безопасность» или «правовой суверенитет в цифровой сфере» без четких механизмов судебного контроля, пропорциональности и защиты прав человека.

Такие меры, хотя и направлены на защиту национальных интересов, рискуют подорвать доверие к праву и спровоцировать конфликты с международными обязательствами. Это наблюдается в ряде государств, где стремление к правовому самосохранению реализуется через ограничение трансграничных цифровых потоков без должного баланса с базовыми свободами. Подобные подходы создают напряжение между необходимостью защиты суверенитета и риском перехода к правовому релятивизму — ситуации, когда ссылка на «конституционную идентичность» становится инструментом произвольного игнорирования международных обязательств, не основанной на объективной правовой аргументации.

По своей сути теория конституционной фильтрации позволяет не только обозначить принципы взаимодействия с транснациональной нормативностью, но и очертить архитектуру внутренней нормативной избирательности. Эта архитектура включает: независимую судебную власть, способную осуществлять контроль за соответствием внешних норм конституционному порядку; парламентские процедуры, обеспечивающие прозрачность и демократический контроль за интеграцией международных стандартов; экспертные сообщества, выявляющие потенциальные риски и предлагаемые решения; исполнительную власть, формирующую по-

зиции в международных цифровых переговорах с опорой на национальную конституционную матрицу. При этом стоит указать, что без такой структурной способности к правовому переводу внешних норм возникает опасность нормативной фрагментации и роста легитимационного дефицита.

Таким образом, диалектика адаптации и протекционизма раскрывает не конфронтацию, а сложную правовую симбиозность. Адаптация теряет смысл без границ, превращается в произвольную пластичность, лишенную ориентиров. Протекционизм же, не обладая гибкостью, рискует стать ригидной оборонительной стратегией, неспособной к развитию. Только те правовые системы, которые смогли встроить протекционизм в адаптивную логику — например, через контролируемую рецепцию транснациональных цифровых стандартов в локальные нормативные поля, — достигают устойчивой эволюции, избегая как регресса, так и нормативного распада. В этом контексте современное конституционное право стоит перед задачей формирования рефлексивного правового иммунитета — не изоляционистского, а основанного на способности к критическому восприятию, осмысленной интеграции и постоянному переосмыслению своей роли в мире алгоритмов и платформ. Именно в этом синтезе заключается путь к устойчивому и легитимному развитию конституционной демократии в XXI в.

Сравнительный анализ: международная и национальная практика конституционной фильтрации

Современные правовые системы всё менее могут рассматриваться как изолированные порядки. Под воздействием цифровой трансформации, глобализации права и роста влияния транснациональных цифровых платформ конституционное право сталкивается с вызовами, затрагивающими его основания: монополию государства на правотворчество, приоритет публичных институтов в легитимации норм и целостность национального правового пространства. В этой ситуации сравнительный анализ

становится ключевым инструментом выявления стратегий реагирования, которые национальные юрисдикции выбирают для сохранения своей автономии без отказа от диалога с внешними правовыми импульсами.

На примере Германии, Франции, Италии, США, России и Китая можно проследить различные модели сочетания адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма. Эти страны, несмотря на различия в правовых традициях, демонстрируют общую тенденцию: в условиях технологической и нормативной турбулентности именно внутренняя конституционная устойчивость становится определяющим фактором способности к управляемой интеграции внешних стандартов. В каждом случае конституционная фильтрация выступает как центральный механизм, через который реализуется баланс между адаптацией и протекционизмом.

Федеральный конституционный суд Германии последовательно развивает модель институционального суверенитета, где защита конституционного строя осуществляется через механизм судебного контроля за пределами делегирования полномочий (*ultra vires control*). Это подтверждается анализом решений Конституционного суда Германии, где в делах *Lisbon Urteil* (BVerfGE 123, 267)²² и *PSP* (BVerfG, 2 BvR 859/15, 05.05.2020)²³ была проведена предельно четкая граница между допустимыми и недопустимыми формами наднационального влияния, выраженная в концепции «границ уступок» (*Integrationsverantwortung*). Суд, действуя не как преграда интеграции, а как фильтр допустимого, указывал на приоритет национальной демократической легитимности перед транснациональной рациональной нормативностью. Таким

образом, немецкий подход представляет собой протекционизм, встроенный в адаптивную логику: он не блокирует интеграцию, а регулирует ее условия.

Французская правовая традиция исторически ориентирована на централизованное регулирование и нормативный универсализм. Однако и здесь проявляются признаки усиления механизмов защиты национальной правовой автономии. Конституционный совет во многих решениях, особенно в сфере цифрового регулирования, демонстрирует стремление к сдержанной рецепции международных и наднациональных норм. Ярким примером служит постановление от 18.06.2020 № 2019-790 DC по так называемому закону *Avia*, направленному на борьбу с ненавистническими высказываниями в сети Интернет²⁴. Совет признал ряд его положений неконституционными, поскольку они создавали риск непропорционального ограничения свободы выражения мнений. Это решение показывает, что даже в рамках общеевропейской повестки Франция сохраняет право на критическую переработку норм, если они вступают в противоречие с конституционными гарантиями.

Итальянская правовая система, будучи частью системы ЕС, формально признает приоритет европейского права. Тем не менее ее конституционная доктрина разрабатывает формы «сдержанного протекционизма». Наиболее показательным является решение Конституционного суда Италии № 238/2014²⁵, в котором было отказано в признании обязательности решения Международного Суда ООН по вопросам иммунитета иностранных государств, поскольку это противоречило конституционно закреплённому принципу равенства перед правосудием. Этот прецедент заложил основу для концепции «кон-

²² См.: *Jancic D.* Caveats from Karlsruhe and Berlin: whither Democracy after Lisbon? // *Columbia Journal of European Law*. 2010. Vol. 16. No. 3. P. 337–385.

²³ Decision of the Second Senate of 5 May 2020-2 BvR 859/15 // *Bundesverfassungsgericht*. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/EN/2020/05/rs20200505_2bvr085915en.html (дата обращения: 16.09.2025).

²⁴ Décision n° 2019-790 DC du 18 juin 2020 // *Conseil constitutionnel*. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2019/2019790DC.htm> (дата обращения: 16.09.2025).

²⁵ Judgment No. 238/2014 // *Corte costituzionale*. URL: https://www.cortecostituzionale.it/documenti/download/doc/recent_judgments/S238_2013_en.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

ституционного патриотизма», согласно которой универсальные нормы должны быть инкорпорированы в национальный правовой порядок только после их переосмысления в контексте итальянской конституционной идентичности²⁶. Такой подход позволяет сохранять открытость международному праву, не жертвуя внутренней системной целостностью.

Верховный суд США традиционно демонстрирует скептицизм по отношению к прямому применению международного права в интерпретации Конституции. Его позиция построена на исключительной автономии американского конституционализма, где источники легитимности исчерпываются внутренним правовым порядком. Примером служит решение по делу *Carpenter v. United States* (2018)²⁷, в котором Суд постановил, что сбор данных о местоположении пользователя без судебного ордера нарушает Четвертую поправку, защищающую от произвольного вмешательства в частную жизнь. При этом аналогичные практики были распространены в других государствах, но американский Суд отказался следовать международным трендам, поставив во главу угла индивидуальные конституционные гарантии. При этом регулирование цифровых платформ (например, антимонопольные дела против Google) также отражает внутреннюю правовую мобилизацию против транснациональных корпораций, чья власть приближается к публичной. В американском контексте правовой суверенитет в цифровой сфере реализуется не через жесткие запреты, а через правовой прагматизм, сочетающий защиту прав, институциональную автономию и контроль за частной властью.

Российская модель характеризуется наиболее явной артикуляцией принципов правового суверенитета. Поправки 2020 г. к Конституции РФ закрепили приоритет Основного Закона над международными договорами в

случае противоречия (ч. 4 ст. 15), тем самым институционализовав принцип конституционного приоритета. Одновременно были усилены положения, касающиеся личной информации и цифровой безопасности (ст. 29, 71), что позволило расширить предмет конституционного регулирования до сферы правового проектирования цифровой среды. Примерами являются: Федеральный закон № 152-ФЗ (локализация данных); Федеральный закон № 258-ФЗ (регулирование платформенной экономики)²⁸; развитие института цифрового профиля гражданина. Фактически эти меры формируют гибридную модель, сочетающую элементы адаптивности (например, внедрение новых категорий прав) с доминирующим протекционистским ядром. Однако такая модель требует особого внимания к риску правового релятивизма: когда ссылки на «правовой суверенитет в цифровой сфере» используются для оправдания ограничений свобод без достаточной судебной проверки или соответствия международным обязательствам.

Конституционная фильтрация в действии: сравнительный анализ регулирования искусственного интеллекта

Ключевым элементом сравнительного анализа выступает концепт конституционной фильтрации — процесс селективной рецепции международных и неформальных («мягкого» права, *soft law*) норм через призму национальной конституционной матрицы. Этот механизм представляет собой не просто правовую технику, а форму рефлексивного суверенитета, при которой государство сохраняет способность к автономному правовому выбору даже в условиях глобальной нормативной интерзависимости. Конституционная фильтрация проявляется как на уровне законодательства, так и в судебной

²⁶ *Palchetti P.* Judgment 238/2014 of the Italian Constitutional Court // *Questions of International Law*. 2015. Vol. 44. P. 44–47.

²⁷ *Carpenter v. United States*, 585 U.S. (2018) // URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/585/16-402/> (дата обращения: 16.09.2025).

²⁸ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

практике, становясь важнейшим инструментом балансировки между адаптацией и протекционизмом.

Особую наглядность данный механизм приобретает в сфере регулирования ИИ — одной из наиболее динамичных и сложных областей современного права. Здесь четко прослеживаются две противоположные модели: централизованно-унифицирующая и децентрализованно-адаптивная, — каждая из которых отражает особенности правовой культуры и институциональной структуры соответствующей юрисдикции.

Европейский Союз реализует превентивный, наднациональный подход к регулированию ИИ, закрепленный в предложении Регламента о регулировании искусственного интеллекта (AI Act)²⁹. Названный акт представляет собой классический пример трансформации *soft law* в *hard law*: он основан на этических принципах, сформулированных ранее в документах Комиссии ЕС, таких как *Ethics Guidelines for Trustworthy AI* (2019), но теперь приобретает обязательную силу для всех государств-членов. Такой подход позволяет обеспечить высокий уровень гармонизации, защитить базовые права и создать единое правовое пространство для цифровых технологий.

Однако эта модель предполагает определенное добровольное ограничение национальной автономии. Государства-члены теряют возможность самостоятельно определять границы допустимого регулирования ИИ, поскольку ключевые решения принимаются на уровне Брюсселя. Исходя из этого роль национальных конституционных судов сводится к контролю за соблюдением принципа субсидиарности и соответствием Регламента основным ценностям, закрепленным в национальных конституциях. Например, немецкий Конституционный суд может проверить, не затрагивает ли применение AI Act демократические принципы или федерализм, но не вправе отклонить его полностью,

если он соответствует мандату делегирования полномочий. Таким образом, в рамках ЕС конституционная фильтрация осуществляется до принятия нормы — на этапе ее легитимации в наднациональных институтах, а не после. Это снижает риски правового раскола, но одновременно требует высокой степени доверия к наднациональному правотворчеству.

В Российской Федерации наблюдается иная, децентрализованная модель, при которой международные стандарты и рекомендации по ИИ принимаются выборочно, после правовой экспертизы и переосмысления в контексте национальной безопасности, суверенитета и конституционных ценностей. Пока Россия не имеет единого закона об ИИ, однако уже действуют секторальные нормативные акты. Эти инициативы часто вдохновлены международными документами, включая руководящие принципы ЮНЕСКО, ОЭСР и Совета Европы, но не воспринимаются в качестве директив. Вместо этого они подвергаются институциональному переводу — адаптации к внутренним правовым реалиям, что и составляет суть конституционной фильтрации. Например, принцип прозрачности алгоритмов, провозглашенный в *Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence* (2021)³⁰, в российской практике реализуется не через открытость кода, а через административный контроль и регистрацию программ. Это не отменяет сам принцип, но трансформирует его в форму, совместимую с существующей системой исполнительной власти.

В США отсутствует единый федеральный закон об ИИ, что связано с особенностями правовой системы — децентрализованной, ориентированной на прецедент и рыночные механизмы. Здесь функцию фильтрации выполняют судебная практика и корпоративная саморегуляция. Например, в деле *Loomis v. Wisconsin* (2016)³¹ Верховный суд штата Висконсин признал допустимость использования алгорит-

²⁹ The EU Artificial Intelligence Act // URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 16.09.2025).

³⁰ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/en/articles/recommendation-ethics-artificial-intelligence> (дата обращения: 16.09.2025).

³¹ Order List: 582 U.S., Monday, June 26, 2017 // Supreme Court of the United States. URL: https://www.supremecourt.gov/orders/courtorders/062617zor_8759.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

мических систем в уголовном правосудии, но потребовал объяснения их работы и учета рисков дискриминации. При этом крупные технологические компании (Google, Microsoft) разрабатывают собственные этические рамки ИИ, которые, хотя и носят добровольный характер, фактически формируют стандарты поведения. В этом смысле частные платформы становятся агентами конституционной фильтрации, выбирая, какие международные нормы внедрять, а какие игнорировать.

Китайская модель представляет собой крайний вариант протекционизма, где фильтрация осуществляется не столько через правовые процедуры, сколько через технологическое замыкание. Закон об ИИ 2023 г.³² и правила по алгоритмической рекомендации строго регламентируют использование иностранных платформ и требуют локализации данных и кода. Китайская модель — прямой вызов западным представлениям о свободе информации и рыночной конкуренции. Вместо либеральных моделей, где фильтрация происходит через открытые протоколы и законы о защите данных, Китай использует государственный надзор для достижения «социалистических ядерных ценностей». Это создает систему, где технологии неразрывно связаны с идеологией. Устойчивость такой модели в долгосрочной перспективе — предмет дискуссий. С одной стороны, она позволяет быстро масштабировать инновации, как, например, в сфере мобильных платежей или распознавания лиц, и защищать внутренний рынок от иностранной конкуренции. С другой стороны, тотальный контроль может подавить креативность и привести к отставанию в тех областях, где необходимы свободный обмен идеями и международное сотрудничество.

Цифровая эпоха не стирает, а, напротив, акцентирует национальные особенности конституционного развития. Модели Германии, Франции, Италии, США, России и Китая показывают, что успешная правовая эволюция возможна лишь при достижении баланса между

адаптацией и протекционизмом. Абсолютная открытость ведет к эрозии суверенитета, тогда как изоляция — к нормативной маргинализации. Тем самым подтверждается ключевой тезис исследования: эффективность современных правовых систем определяется не столько скоростью принятия новаций, сколько способностью к рефлексивной фильтрации внешних норм. Именно эта способность обеспечивает устойчивое развитие конституционного строя в условиях глобальной цифровой трансформации.

Заключение

Анализ диалектического взаимодействия адаптивного конституционализма и конституционного протекционизма демонстрирует, что эти стратегии, на первый взгляд противоположные, на деле образуют единое целое. Адаптация, понимаемая как способность правовой системы гибко реагировать на технологические, социальные и транснациональные вызовы, теряет свою конструктивную силу без опоры на устойчивое конституционное ядро — совокупность ценностей, институтов и принципов, защищаемых протекционистской логикой. В то же время протекционизм, направленный на сохранение суверенитета и правовой идентичности, рискует превратиться в догматическую изоляцию, если не будет сопровождаться открытостью к внешним нормативным импульсам и способностью к их критической переработке.

Таким образом, устойчивое развитие конституционного права в XXI в. возможно лишь в точке синтеза этих подходов — через реализацию механизма конституционной фильтрации. Этот механизм предполагает селективное восприятие внешних правовых и технологических воздействий, их институциональное осмысление и переосмысление в координатах национальной правовой культуры. Он обеспечивает не отказ от глобальных процессов, а их легитимную инкорпорацию в рамках внутреннего конституцион-

³² Новые правила в области искусственного интеллекта в Китае (2023) // AI.GOV.RU. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/normativnoe-regulirovanie-ii/2023_novye_pravila_v_oblasti_iskusstvennogo_intellekta_v_kitae_china_s_new_ai_regulations_latham_watkins/ (дата обращения: 16.09.2025).

ного порядка. Именно в этом смысле конституционная фильтрация становится не просто юридическим инструментом, а формой правового иммунитета современного государства. В эпоху, когда власть всё чаще обретает нематериальную форму, способность к селективному восприятию внешних норм становится ключевым условием сохранения демократической легитимности.

Перспективы дальнейшего развития конституционного права связаны с углублением теоретического осмысления цифровой трансформации как системного вызова. К числу основных направлений относятся: цифровой конституционализм³³ — формирование правовых рамок для ограничения власти цифровых платформ; алгоритмическая справедливость — обеспечение прозрачности, подотчетности и недискриминации в автоматизированных решениях; платформенный суверенитет — разработка механизмов конституционного контроля над нематериальными, но публично значимыми формами власти. Поэтому необходима разработка многоуровневых механизмов правовой интеграции, исключающих правовую ассимиляцию. Речь идет о концепции правовой сопряженности, при которой национальная правовая система не теряет автономности, но способна включаться в транснациональные нормативные процессы через модели «мягкого» права, квазисудебных механизмов и протоколов адаптации.

Это направление уже находит отражение в практике применения *soft law* в таких сферах, как регулирование ИИ, цифровая этика, стандарты прозрачности и недискриминации в алгоритмах. Примеры можно найти в документах Совета Европы (например, рекомендации CM/Rec(2020)1³⁴ по влиянию цифровых технологий

на права человека), которые постепенно получают правовое выражение в национальных законодательствах, включая законы о персональных данных, электронном голосовании, цифровых платформах.

Цифровая трансформация становится не просто техническим трендом, а фундаментальным испытанием для конституционного строя, требующим переосмысления таких категорий, как суверенитет, демократия, разделение властей и права человека. Будущее конституционного права зависит от способности правовых систем сочетать жизнеспособность и целостность, открытость и автономию, инновацию и преемственность. Только такой сбалансированный подход позволяет избежать двух крайностей: нормативного хаоса, порожденного чрезмерной пластичностью права, и правового релятивизма, возникающего при произвольном отклонении международных стандартов под предлогом защиты суверенитета³⁵.

В конечном счете именно качество конституционной фильтрации становится главным критерием жизнеспособности правовой системы в XXI в. Конкуренция юрисдикций в будущем будет определяться не только экономическими показателями, но и эффективностью их правового иммунитета — способности к осмысленной интеграции глобальных инноваций без утраты суверенитета и демократической легитимности. Следовательно, будущее конституционного права лежит в развитии этого рефлексивного подхода. Оно зависит от умения государств не просто реагировать на изменения, а сознательно конструировать свой правовой путь в мире алгоритмов и платформ — прозрачно, легитимно и с уважением к собственной конституционной идентичности.

³³ Celeste E. Digital Constitutionalism: A Socio-Legal Approach // *European Data Protection Law Review*. 2024. Vol. 10. No. 2. P. 156–173. URL: https://edpl.lexion.eu/data/article/19635/pdf/edpl_2024_02-006.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

³⁴ Recommendation CM/Rec(2020)1 of the Committee of Ministers to member States on the human rights impacts of algorithmic systems // Council of Europe. 2020. URL: <https://rm.coe.int/09000016809e1154> (дата обращения: 16.09.2025).

³⁵ Golia A. Jr. The Critique of Digital Constitutionalism // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. 2022. No. 2022-13. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4071358 (дата обращения: 16.09.2025).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белослудцев О. С. Теоретико-правовая природа концепции конституционной идентичности // Сравнительное конституционное обозрение. — 2021. — № 3 (142). — С. 39–62.
2. Виноградова Е. В. Закрепление в конституции в качестве конституционной ценности российской конституционной идентичности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2, Юридические науки. — 2021. — № 3 (29). — С. 26–29.
3. Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка. — М. : Директ-Медиа, 2023. — 690 с.
4. Мелешко Е. Д., Слобожанин А. В. Морально-правовые проблемы цифровизации российского общества: аналитический обзор научно-исследовательских центров // Гуманитарные ведомости ТГПУ имени Л.Н. Толстого. — 2023. — № 4 (48). — С. 52–58.
5. Поярков С. Ю. Адаптивный конституционализм: концептуальные основания и институциональные механизмы в условиях политико-правовой турбулентности // Административное и муниципальное право. — 2025. — № 3. — С. 67–85.
6. Anagnostaras G. Activating Ultra Vires Review: The German Federal Constitutional Court Decides Weiss // European Papers, European Journal of Law and Integration. — 2021. — Vol. 6. — No. 1. — P. 801–829.
7. Bogdandy A. von, Schill S. Overcoming absolute primacy: Respect for national identity under the Lisbon Treaty // Common Market Law Review. — 2011. — Vol. 48. — No. 5. — P. 1417–1454.
8. Bogdandy A. von, Wolfrum R., Bernstorff J. von, Dann P., Goldmann M. The Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law. — Heidelberg : Springer Science & Business Media, 2010. — 1008 p.
9. Celeste E. Digital Constitutionalism: A Socio-Legal Approach // European Data Protection Law Review. — 2024. — Vol. 10. — No. 2. — P. 156–173.
10. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // International Journal of Constitutional Law. — 2023. — Vol. 21. — No. 2. — P. 419–445.
11. Golia A. Jr. The Critique of Digital Constitutionalism // Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper. — 2022. — No. 2022-13.
12. Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. — Cambridge : Harvard University Press, 2004.
13. Jancic D. Caveats from Karlsruhe and Berlin: whither Democracy after Lisbon? // Columbia Journal of European Law. — 2010. — Vol. 16. — No. 3. — P. 337–385.
14. Loewenstein K. Verfassungsrecht und Verfassungsrealitat: Beitrage zur Ontologie der Verfassungen // Archiv des öffentlichen Rechts (AoR). — 1951/1952. — Bd. 77. — H. 4. — S. 387–435.
15. Palchetti P. Judgment 238/2014 of the Italian Constitutional Court // Questions of International Law. — 2015. — Vol. 44. — P. 44–47.
16. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject. — Abingdon : Routledge, 2010.
17. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. — Oxford : Oxford University Press, 2010. — 326 p.
18. Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. — Princeton : Princeton University Press, 2008.

Материал поступил в редакцию 17 сентября 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Belosludtsev O. S. Teoretiko-pravovaya priroda kontseptsii konstitutsionnoy identichnosti // *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. — 2021. — № 3 (142). — S. 39–62.
2. Medushevskiy A. N. Globalnyy konstitutsionalizm: protsessy integratsii i fragmentatsii v sozdanii novogo mirovogo poryadka. — M.: Direkt-Media, 2023. — 690 s.
3. Meleshko E. D., Slobozhanin A. V. Moralno-pravovye problemy tsifrovizatsii rossiyskogo obshchestva: analiticheskiy obzor nauchno-issledovatel'skikh tsentrov // *Gumanitarnye vedomosti TGPU imeni L.N. Tolstogo*. — 2023. — № 4 (48). — S. 52–58.
4. Poyarkov S. Yu. Adaptivnyy konstitutsionalizm: kontseptualnye osnovaniya i institutsionalnye mekhanizmy v usloviyakh politiko-pravovoy turbulentnosti // *Administrativnoe i munitsipalnoe pravo*. — 2025. — № 3. — S. 67–85.
5. Vinogradova E. V. Zakreplenie v konstitutsii v kachestve konstitutsionnoy tsennosti rossiyskoy konstitutsionnoy identichnosti // *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2, Yuridicheskie nauki*. — 2021. — № 3 (29). — S. 26–29.
6. Loewenstein K. Verfassungsrecht und Verfassungsrealitat: Beitrage zur Ontologie der Verfassungen // *Archiv des offentlichen Rechts (AoR)*. — 1951/1952. — Bd. 77. — H. 4. — S. 387–435.
7. Anagnostaras G. Activating Ultra Vires Review: The German Federal Constitutional Court Decides Weiss // *European Papers, European Journal of Law and Integration*. — 2021. — Vol. 6. — No. 1. — P. 801–829.
8. Bogdandy A. von, Wolfrum R., Bernstorff J. von, Dann P., Goldmann M. The Exercise of Public Authority by International Institutions: Advancing International Institutional Law. — Heidelberg: Springer Science & Business Media, 2010. — 1008 p.
9. Bogdandy A. von, Schill S. Overcoming absolute primacy: Respect for national identity under the Lisbon Treaty // *Common Market Law Review*. — 2011. — Vol. 48. — No. 5. — P. 1417–1454.
10. Celeste E. Digital Constitutionalism: A Socio-Legal Approach // *European Data Protection Law Review*. — 2024. — Vol. 10. — No. 2. — P. 156–173.
11. Dixon R. The New Responsive Constitutionalism // *International Journal of Constitutional Law*. — 2023. — Vol. 21. — No. 2. — P. 419–445.
12. Golia A. Jr. The Critique of Digital Constitutionalism // *Max Planck Institute for Comparative Public Law & International Law (MPIL) Research Paper*. — 2022. — No. 2022-13.
13. Hirschl R. Towards Juristocracy: The Origins and Consequences of the New Constitutionalism. — Cambridge: Harvard University Press, 2004.
14. Jancic D. Caveats from Karlsruhe and Berlin: whither Democracy after Lisbon? // *Columbia Journal of European Law*. — 2010. — Vol. 16. — No. 3. — P. 337–385.
15. Palchetti P. Judgment 238/2014 of the Italian Constitutional Court // *Questions of International Law*. — 2015. — Vol. 44. — P. 44–47.
16. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject. — Abingdon: Routledge, 2010.
17. Rosenfeld M. The Identity of the Constitutional Subject: Selfhood, Citizenship, Culture, and Community. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 326 p.
18. Tushnet M. Weak Courts, Strong Rights: Judicial Review and Social Welfare Rights in Comparative Constitutional Law. — Princeton: Princeton University Press, 2008.